

Кайл Авен

Новая Земля

Кайл Авен
Новая Земля

«Автор»

2026

Авен К.

Новая Земля / К. Авен — «Автор», 2026

Объединённые две части "Новая Земля". Герой попал на необитаемую планету, полную неизвестностей и приключений. Что же его там ждёт?

© Авен К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Крушение	5
Глава 2. Карта и лён	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Кайл Авен

Новая Земля

Глава 1. Крушение

Сознание возвращалось медленно, выталкивая меня из липкой темноты на поверхность резким, влажным порывом ветра, хлестнувшим по лицу. Голова гудела, словно колокол, а перед глазами всё ещё плыли разноцветные пятна. Несколько мгновений я просто сидел, пытаюсь подавить тошноту и заставить мир перестать раскачиваться.

Когда пелена перед глазами немного рассеялась, я осмотрелся. Тесное пространство, помятое кресло, в котором я сидел, искореженная панель управления передо мной — экраны разбиты, из приборных досок торчат пучки разноцветных проводов. Сквозь треснувшее и местами проломленное лобовое стекло тянуло сыростью и свежестью. Это был спасательный шаттл. Мой спасательный шаттл. И выглядел он так, будто совершил посадку без шасси, на брюхо.

Стиснув зубы, я заставил себя подняться на ноги. Тело слушалось с трудом, но, сделав пару осторожных шагов, я обрёл равновесие и оглянулся назад. Кормовой отсек представлял собой жалкое зрелище: стеллажи, закреплённые вдоль стен, опустели, их содержимое веером разлетелось по полу. Лишь два тяжёлых контейнера, намертво привинченные к силовой пластине пола, устояли и не перевернулись. Рядом с ними виднелся выходной люк.

Я снова повернулся к кабине и выглянул наружу через разбитое стекло. Сердце пропустило удар, но не от ужаса, а от неожиданности. Вместо безжизненных скал или ледяных пустошей, которые я ожидал увидеть, шаттл уткнулся носом в самую настоящую поляну. Она была зелёной, яркой, покрытой высокой травой, что колыхалась под порывами ветра, словно живой океан. А за ней, тёмной стеной, начинался лес. Огромные, раскидистые деревья с мощными стволами и кудрявыми кронами не оставляли сомнений — это дубы. Настоящий дубовый лес, пахнущий землёй и прелыми листьями.

Первым делом я занялся собой. Ссадины на руках и ноющая боль в боку — пустяки для того, кто владеет магией. Сосредоточившись, я пустил по телу тёплую волну восстанавливающей энергии. Кожа затянулась, синяки побледнели и исчезли. Осталась лишь лёгкая, едва заметная пульсация в висках — последствия жёсткой посадки. С этим можно было жить.

Пора было инвентаризировать своё новое «имущество». Я вернулся в грузовой отсек и принялся перебирать разбросанные вещи, разгребая груды металлолома и осколков пластика. Удача не совсем отвернулась от меня: среди обломков мне удалось найти уцелевшие предметы. Вот топор с тяжёлым лезвием, вот кирка, крепкая лопата. В углу валялось огниво — зачем оно магу, способному разжечь огонь одной лишь мыслью? Но пусть будет, как резерв. Ещё нашёлся плотный кусок брезента, свернутое одеяло, пара сменных комплектов прочной ткани, похожей на форму. А в одном из уцелевших контейнеров обнаружили герметичные упаковки с едой и водой — по моим прикидкам, дней на десять, если не шиковать. Компас с пульсирующей стрелкой довершал картину. Всё это добро отправилось в вместительный рюкзак, который тоже чудом остался цел.

Собравшись, я подошёл к двери. Люк поддался не сразу, заскрипев несмазанными петлями, но после второго рывка распахнулся, впуская внутрь настоящий ураган свежего воздуха. Он был влажным, прохладным и пах жизнью — так пахнет земля после дождя.

Я спрыгнул на траву и отошёл на несколько шагов, разминая затекшие ноги. Ботинки тут же промокли от росы. Обернувшись, я наконец увидел свой корабль со стороны. Зрелище было печальным. Весь корпус был измят, обшивка кое-где лопнула. Правый двигатель, вырванный

с корнем, сиротливо лежал в десятке метров, уткнувшись в кусты. Левое крыло безнадежно скрутило. Починить это было невозможно даже с помощью самой мощной магии. Здесь не было запчастей, не было дока, не было ничего.

— Что ж, — сказал я вслух, и мой голос прозвучал в этой идиллии неожиданно громко, — похоже, я здесь надолго.

Я ещё раз осмотрелся. Поляна была небольшой, зажатой со всех сторон лесом. На севере, над верхушками дубов, виднелись далёкие синие пики гор. Цель на будущее. Но сейчас солнце уже клонилось к закату, по поляне поползли длинные тени. Нужно было решать, где провести первую ночь: в искореженном, но всё же знакомом шаттле, или искать место получше в лесу, рискуя заблудиться в темноте. Здравый смысл подсказывал первое.

Я забрался обратно, с трудом задвинул тяжёлую дверь и, прежде чем устраиваться на ночлег, соткал на пороге тонкую магическую сигнализацию. Если кто-то или что-то попытается войти, я проснусь. Расчистив на полу место от мелкого мусора, я укрылся одеялом и закрыл глаза. Спать на твёрдом металле среди развалин было неудобно, но сегодня выбора не было. Усталость взяла своё, и я провалился в сон без сновидений.

Проснулся я от серого света, сочившегося сквозь трещины в корпусе. Сигнализация молчала. Быстро свернув одеяло, закинув за спину тяжёлый рюкзак и проверив, на месте ли топор, я толкнул дверь наружу.

В лицо ударил свежий утренний воздух. Впереди был лес. А позади — только сломанный корабль и билет в один конец. Путь начинался.

Я сделал шаг наружу и, прежде чем углубляться в лес, задрал голову к небу. Привычка, вевшаяся в кровь за годы полётов: сначала проверь, что у тебя над головой.

Небо было чистым. Высоким, прозрачным, лазурным — таким же, как на лучших курортах Земли, которые я видел только на голографиях. Ни облачка. Солнце только поднялось над кронами дубов и заливало поляну мягким золотистым светом. Погода обещала быть тёплой.

Но взгляд мой приковало не солнце.

Высоко в небе, огромным синим глазом, висела планета. Она занимала добрую четверть небосвода, отчего казалось, будто до неё можно дотянуться рукой. Сплошной синий шар, без единого намёка на сушу, без облаков, без проблесков зелени или серости материков. Она была похожа на гигантскую каплю воды, застывшую в невесомости. И в какой-то степени так оно и было.

Я замер, глядя на эту громаду. Знакомое чувство дежавю кольнуло где-то в подсознании, и память услужливо подбросила картинку: тесная каюта грузового корабля, тусклый свет экрана, бесконечные отчёты и базы данных, которые я пролистывал от скуки перед самым прыжком.

Система HD 40307. Планеты-близнецы, обнаруженные ещё в древнюю эпоху первых зондов, но так и не исследованные толком. Я читал о них мельком, краем глаза, потому что маршрут нашего рейса пролегал мимо, и капитан счёл нужным ознакомить команду с потенциальными точками аварийной посадки.

Первая. Та, на которой я сейчас стоял. Названия ей тогда не дали, только сухой каталоговый индекс: HD 40307 g. В отчётах значилось: «Пригодна для терраформирования, атмосфера кислородно-азотная, сила тяжести в пределах нормы. Флора и фауна демонстрируют конвергентное сходство с земными биомами умеренного пояса. Рекомендована для дальнейшего изучения». Я тогда хмыкнул и пролистал дальше. «Конвергентное сходство» — учёные любят такие умные слова, чтобы сказать просто: «Похоже на Землю, но не Земля».

И вот теперь этот лес, эти дубы, эта трава... Действительно похоже. До мурашек похоже. До того, что начинаешь сомневаться: а не приснилась ли мне вся эта авария, и не проснусь ли я сейчас в своей постели где-нибудь в Солнечной системе?

Я перевёл взгляд на вторую планету. HD 40307 h. Водный мир.

Данных по ней было ещё меньше. Сплошной океан. Два крошечных островка, отмеченных на картах как «незначительные возвышенности, предположительно вулканического происхождения». Атмосфера чистая, кислородная, но постоянные шторма и ураганы, рождающиеся над бескрайней водной гладью. Колонизировать? Бессмысленно. Изучать? Дорого и опасно.

Так они и висели здесь миллионы лет, наверное. Две сестры: зелёная и голубая. Одна — гостеприимная, вторая — прекрасная и смертоносная.

И ни слова о том, есть ли здесь кто-то разумный.

«Планеты неизведанные, — всплыла в памяти сухая строчка из отчёта. — Сведений о наличии разумной жизни не поступало. Рекомендуются соблюдать осторожность при контакте с неизвестными формами жизни».

Я усмехнулся. Осторожность. Хорошее слово. Только вот кто меня будет инструктировать? Я здесь один. Единственный представитель человечества в этой системе, если, конечно, за время моего беспамятства сюда не нагрянула спасательная экспедиция.

Впрочем, на это рассчитывать не приходилось. Сигнал бедствия я так и не отправил — не успел, да и от панели управления мало что осталось.

Я ещё раз посмотрел на синюю громадину в небе. Где-то там, под бесконечными волнами, может быть, тоже кто-то стоит и смотрит на зелёную точку. Рыбообразные аборигены, дышащие водой. Или разумные кораллы. Или вообще никого.

— Ладно, — сказал я вслух, отгоняя философские мысли. — Сначала дело. Нужно найти воду, убежище и понять, чем тут можно питаться, кроме аварийных пайков.

Водный мир величественно висел в небе, когда я поправил лямки рюкзака и шагнул в тень дубравы. Лес принял меня сразу — накрыл прохладой, запахом прелой листвы и тишиной, которая бывает только в местах, где никогда не ступала нога человека. Или чья-то ещё.

Лес встретил меня настороженной тишиной. Шаги по мягкой подстилке из прелых листьев почти не звучали, но даже этот слабый шорох, казалось, разносился эхом между могучих стволов. Я шёл медленно, прислушиваясь и присматриваясь, стараясь не пропустить ни шороха, ни движения.

И движение не заставило себя ждать.

Сначала мелькнуло что-то рыжее за корнями старого дуба — пушистый хвост, точь-в-точь как у земной лисы, только чуть длиннее. Я замер, но зверёк уже учуял меня: из-за корней высунулась острая мордочка с чёрными бусинками глаз, и через мгновение рыжая молния исчезла в подлеске.

Дальше — больше. На поляне, залитой солнцем, паслась небольшая группа животных, похожих на оленей, но с более короткими ногами и ветвистыми рогами, которые казались почти прозрачными на свету. Они пили воду из небольшого ручья, и я залюбовался этой идиллической картиной. Но ветер дунул в мою сторону, и «олени» вскинули головы одновременно, словно по команде. Ещё мгновение — и лес огласился дробным стуком копыт, а белые хвосты замелькали среди деревьев.

Я усмехнулся и пошёл дальше. Звери здесь были пугливыми. Хороший знак. Значит, хищников либо мало, либо они достаточно умны, чтобы не шуметь, либо... либо люди здесь появлялись. И звери научились бояться.

Эта мысль заставила меня насторожиться ещё больше.

Путь мой лежал на север, к синим горам, которые я видел с поляны. Но горы были далеко, а идти приходилось с оглядкой. Несколько раз я выходил к небольшим речушкам — вода в них была прозрачной, холодной и на вкус напоминала родниковую. Я напился, наполнил флягу и двинулся дальше, огибая заросли колючего кустарника, слишком похожего на земную ежевику, чтобы не заподозрить родство.

Часа через три лес начал редеть. Стволы становились ниже, между ними появлялось всё больше просветов, и вскоре я вышел из дубравы на открытое пространство.

Равнина раскинулась передо мной, насколько хватало глаз. Высокая трава, местами по пояс, колыхалась под ветром живыми волнами. А в центре этой зелёной чаши, сверкая на солнце, лежало озеро. Оно было почти идеально круглым, с водой такого насыщенного синего цвета, что на миг мне показалось, будто кусочек второй планеты упал с неба и застрял здесь.

Красота этого места была настолько совершенной, что я замер, боясь нарушить её своим присутствием. Но тут же взгляд мой зацепился за что-то чужеродное, неправильное.

На дальнем берегу озера, там, где трава подходила почти к самой воде, темнели какие-то обломки. Прямые линии, острые углы — природа не создаёт таких форм.

Сердце ёкнуло. Я зашагал быстрее, почти побежал, забыв про осторожность. Рюкзак подпрыгивал за спиной, дыхание сбилось, но я не мог остановиться. Надежда — странная штука. Она может умереть последней, но может и воскреснуть из пепла за одну секунду.

Когда до обломков оставалось метров двадцать, я узнал их. И узнал — и одновременно понял, что надежда была ложной.

Это был отсек G-4. Стандартный грузовой модуль, который крепится к внешней обшивке крупных кораблей вроде «Короля». Моего «Короля». Того самого грузового лайнера, на котором я летел.

Значит, не один шатгл развалился в атмосфере. Значит, модуль оторвало, и его выбросило сюда, за многие километры от места моего падения. А может, и не за многие — я понятия не имел, сколько прошёл и в каком направлении.

Модуль лежал на боку, наполовину увязнув в илистом берегу. Обшивка была помята, люк сорван с петель и валялся в стороне. Внутри, судя по всему, уже похозяйничала вода — озеро в период разливов добиралось до этой части берега.

Я подошёл ближе, заглянул внутрь. Беспорядок, грязь, какие-то обломки ящиков. Но среди этого мусора поблёскивали и вполне целые вещи.

Не теряя времени, я забрался внутрь и принялся за работу. Первым делом в руки попался моток прочной синтетической верёвки — метров двадцать, не меньше. Отлично, в лесу пригодится. Рядом валялся барометр — старый, механический, с потрескавшимся стеклом, но стрелка двигалась. Значит, работает. Я сунул его в рюкзак.

Дальше — настоящая удача. Бинобль. Тяжёлый, армейского образца, с покрытыми царапинами линзами, но целый. Я поднёс его к глазам, покрутил колёсико настройки — механизм работал чётко. Теперь я увижу и горы, и то, что скрывается за горизонтом.

Под обломком пластика нашёлся герметичный контейнер с едой. Ещё пара дней автономки, а то и три, если экономить. Я довольно хмыкнул и полез дальше.

И тут моя рука нащупала что-то необычное. Небольшой прибор, похожий на старый сканер, с маленьким экранчиком и единственной кнопкой. Я нажал на неё, и экран засветился зелёным. Надпись гласила: «Анализатор биосовместимости. Готов к работе».

Я присвистнул. Вот это действительно удача. Эта штука показывала, съедобна ли найденная пища или вода, безопасна ли для человека. В мире, где каждый гриб и каждый ручей могут таить смертельную опасность, такой прибор стоил веса золота.

Я собрал остальное, что показалось ценным: несколько уцелевших инструментов, кусок брезента поменьше, запасные батареи к фонарю, который, увы, разбился. Всё это отправилось в рюкзак, который теперь стал тяжёлым, как никогда.

Выбравшись из модуля, я отошёл на пару шагов и ещё раз окинул взглядом озеро и равнину. Пейзаж был всё таким же прекрасным, но теперь у меня было больше инструментов, чтобы его понять. И больше вопросов.

Где остальные обломки? Где «Король» — упал ли он, сгорел в атмосфере или ушёл в прыжок, бросив нас? И главное — есть ли здесь другие выжившие?

Я поднял бинокль к глазам и начал медленно обводить горизонт. Горы на севере приблизились, стали отчётливее. Лес, из которого я вышел, тёмной стеной уходил к югу. А на востоке, далеко-далеко, мне почудилось что-то... какое-то пятно, неправильность ландшафта.

Я всмотрелся внимательнее. То ли скалы, то ли... постройки? Нет, слишком далеко, слишком расплывчато. Но оторвать взгляд было невозможно.

— Что ж, — сказал я, опуская бинокль. — Как минимум, есть направление.

Солнце уже перевалило за полдень, и я решил не задерживаться. Набрал воды из озера — и проверив её анализатором, который радостно загорелся зелёным, подтверждая безопасность, — я зашагал вдоль берега. Равнина манила простором, а на востоке, там, где маячила загадочная точка, меня ждали ответы. Или новые вопросы.

Я шёл вдоль берега озера около часа, пока равнина постепенно не начала сменяться каменистой почвой. Впереди выросли скалы — причудливые каменные исполины, похожие на застывших великанов. Они тянулись с севера на юг, образуя естественную границу между зелёным морем равнины и темнеющим за ними лесом. Где-то там, за этим каменным хребтом, снова начинались деревья — я видел их верхушки, выглядывающие из-за скал.

Когда я подошёл ближе, разочарование кольнуло где-то под ложечкой. То, что издали казалось мне рукотворными постройками, оказалось просто причудливым творением природы. Ветер и вода тысячелетиями вытачивали из камня причудливые формы, создавая иллюзию стен и башен. Ошибка, достойная новичка. Но я отогнал разочарование — в конце концов, настоящих построек я здесь пока не находил, а значит, и терять было нечего.

Я уже собирался обогнуть скалы и углубиться в лес за ними, как взгляд мой упал на тёмный провал в одной из каменных стен. Пещера.

Она находилась на возвышении — метрах в трёх над уровнем равнины, так что пришлось карабкаться по осыпающемуся склону, хватаясь за выступы. Вход был обращён прямо на равнину и озеро — оттуда открывался великолепный вид на водную гладь и бескрайнее небо с синей планетой.

Я заглянул внутрь, на всякий случай создав на ладони небольшой светлячок. Магии на него уходило совсем чуть-чуть — такие фокусы мог делать даже ребёнок из магической школы. Шарик послушно отделился от пальцев и поплыл в темноту, освещая пространство.

Пещера оказалась просторной. Намного просторнее, чем я ожидал. Пол уходил вниз примерно на два метра, образуя естественное углубление, а свод поднимался вверх на такую же высоту. То есть внутри получалось два уровня: нижний, куда нужно было спускаться, и верхний, который шёл от входа и дальше, вглубь скалы. Я забрался внутрь и прошёлся, освещая углы. Никаких следов животных, никакого мусора, никаких костей. Только сухой камень и тишина.

Идеальное место для жилья.

Мысль пришла внезапно и тут же завладела мной целиком. Конечно! Что может быть лучше? Пещера уже готова, её не нужно строить с нуля. Осталось только обустроить, сделать удобной, защищённой. И это возвышение над равниной — отличный обзор, враг не подкрадётся незамеченным.

Я вышел наружу и ещё раз окинул взглядом окрестности. Озеро блестело в лучах послеполуденного солнца. Равнина тянулась до самого горизонта. Лес за спиной шумел кронами. Красота. И теперь у этого вида будет хозяин.

Вернувшись в пещеру, я принялся мерить шагами пространство, прикидывая планировку. Внизу, в углублении, можно сделать основное жилое помещение: спальня, кладовая, мастерская. А наверху, на этом естественном уступе, который тянется вдоль стены... второй этаж! Если сделать прочное перекрытие из брёвен, получится дополнительная площадь. Там можно устроить наблюдательный пост, столовую или ещё одну спальню. А главное — с верх-

него уровня, если пробить выход наружу в стене, можно будет выходить прямо на скалу и оттуда обозревать окрестности.

Я загорелся. Руки уже чесались приступить к работе.

— Значит так, — сказал я сам себе, выходя из пещеры и спускаясь вниз. — Сначала деревья. Много деревьев.

Топор удобно лёг в руку. Я выбрал направление к лесу, который начинался сразу за скалами, и зашагал туда с решимостью первопроходца.

Лес встретил меня полумраком и запахом смолы. Деревья здесь росли не такие могучие, как дубы у места крушения, — стройные, высокие, с прямой древесиной. Идеально для строительства. Я выбрал первое попавшееся, размахнулся и ударил.

Топор вошёл в ствол с глухим звуком. Ещё удар, ещё. Работа поглотила меня целиком. Я не думал о том, один ли я в этом мире, что ждёт меня завтра и вернусь ли я когда-нибудь домой. Сейчас была только работа: мышцы, пот, запах свежей древесины и цель — сделать своё новое жилище удобным.

Первое дерево дрогнуло, закрипело и с шумом рухнуло на землю, подмяв под себя кустарник. Я отдышался, вытер пот со лба и принялся обрубить сучья. Работа спорилась. Магия давала мне силу и выносливость, но топор в руках — это было что-то первобытное, настоящее.

К закату я навалил порядочную кучу брёвен. Таскать их по одному к пещере было тяжело, но я справлялся. Перетащив штук десять, я понял, что сегодня уже достаточно. Солнце садилось, окрашивая небо и синюю планету в багровые тона.

Я забрался в пещеру, создал с десяток светящихся шариков и развесил их под потолком — они залили пространство ровным, чуть голубоватым светом. Магии на них уходило так мало, что можно было не обновлять их неделями.

Пещера преобразилась. В этом мягком свете она уже не казалась холодной каменной глыбой. Она стала похожа на дом. На мой дом.

Я расстелил одеяло в углу, поужинал остатками пайка и, глядя на груды брёвен у входа, стал планировать завтрашний день. Нужно сделать перекрытие. Потом прорубить выход наверх. Потом...

Мысли текли медленно, убаюканные тишиной и усталостью. Синяя планета смотрела в проём пещеры, как огромный глаз, следящий за первым человеком, который решил обосноваться в этом мире.

Я уснул с чувством странного удовлетворения. У меня теперь был дом. Пусть пещера, пусть без дверей и окон, но — дом. А это уже начало.

Утро встретило меня прохладой и золотистым светом, сочившимся в проём пещеры. Синяя планета уже почти скрылась за горизонтом, уступив место яркому солнцу. Я потянулся, разминая затёкшие после вчерашней рубки мышцы, и выбрался наружу, чтобы умыться в озере.

Вода была обжигающе холодной, но после неё тело наполнилось бодростью. Я напился, проверил анализатором — прибор снова показал зелёный, — и вернулся к пещере. Сегодня предстояла большая работа.

Первым делом я перетаскал оставшиеся брёвна от леса к подножию скалы. К полудню перед входом выросла порядочная гора древесины. Я прикинул размеры пещеры, мысленно начертил план и принялся за дело.

Перекрытие между этажами я решил делать не сплошным, а с люком посередине — так удобнее спускаться и подниматься, и полезная площадь не теряется. Начал с того, что выбрал самые толстые и ровные брёвна для несущих балок. Их нужно было уложить поперёк пещеры, от стены до стены, прямо над нижним углублением.

Самым сложным оказалось поднять тяжёлые брёвна на нужную высоту. Я использовал магию, чтобы облегчить их вес, но даже так пришлось попотеть. Сначала я установил три глав-

ные балки — они легли на естественные выступы в стенах, и я для надёжности закрепил их дополнительными камнями. Получился прочный каркас.

Поверх балок я уложил брёвна поменьше, плотно подгоняя их друг к другу. Щели забивал мелкими ветками и мхом — его здесь росло в избытке. Работа продвигалась медленно, но верно. Солнце успело совершить свой путь по небу и снова клонилось к закату, когда я уложил последнее бревно.

Перекрытие было готово.

Я забрался наверх и прошёлся по нему, проверяя прочность. Брёвна даже не скрипнули. Отлично. Теперь у меня было два полноценных уровня: нижний, глубокий, и верхний, на уровне входа.

Оставалось самое важное — люк.

Я выбрал место примерно в центре верхней площадки, прямо над тем местом, где предполагал организовать спальную зону внизу. Разметив прямоугольник, я взял топор и принялся вырубать отверстие. Работа оказалась кропотливой — нужно было не повредить соседние брёвна и сделать края ровными.

Через час я выдохся, но люк был готов. Прямоугольное отверстие зияло в полу, открывая вид на нижний ярус. Я заглянул вниз — высота получалась метра два с половиной. Спрыгнуть можно, но с грузом будет неудобно. Да и постоянно прыгать туда-сюда быстро надоест.

— Нужна лестница, — сказал я вслух.

Лестницу я решил сделать из двух длинных жердей и поперечных перекладин. Жерди нашлись среди заготовленных брёвен — две прямые, без сучков, длиной метра по три. Я притащил их в пещеру и опустил одним концом в люк, уперев в пол нижнего яруса. Верхний конец я закрепил, привязав верёвкой к балкам — той самой верёвкой, что нашёл в модуле G-4.

Теперь перекладки. Я напилил топором десятков коротких чурбачков, обтесал их, чтобы стали поуже, и принялся прикреплять к жердям. Для крепления я использовал те же верёвки — надёжно обматывал каждый стык, проверял на прочность. Работа была нудной, но когда я привязал последнюю, седьмую перекладину, то понял, что сделал добротную вещь.

Лестница вышла крепкой, чуть шаткой, но стояла надёжно. Я для проверки забрался наверх, спустился, снова забрался — держалась отлично. Теперь сообщение между этажами было удобным и быстрым.

Когда последний луч солнца скрылся за горизонтом, я стоял посередине верхнего яруса и оглядывал результаты своего труда. Внизу, в свете магических шариков, темнел уютный нижний зал. Наверху, у самого входа, оставалось свободное пространство — здесь можно будет сидеть, смотреть на равнину, принимать гостей, если они когда-нибудь появятся. А в глубине верхнего яруса, там, где стена уходила в темноту, я планировал пробить выход наружу.

Но это уже завтра.

Я спустился вниз по новой лестнице, постелил одеяло на ровном месте, которое выбрал для сна, и лёг, глядя в тёмный проём люка над головой. Оттуда, с верхнего яруса, лился слабый свет от шариков, создавая причудливую игру теней на стенах.

— Дом, — прошептал я в тишину. — У меня теперь настоящий дом. С двумя этажами и лестницей.

Мысль показалась смешной и одновременно важной. В этом мире, полном неизвестности и опасностей, у меня теперь было своё убежище. Место, куда можно вернуться. Крепость, которую я построил своими руками.

Синяя планета снова выглянула в проём пещеры, когда я закрывал глаза. Завтра будет новый день. Завтра я пробью выход наверх и посмотрю, что там, за стеной. А сегодня я засыпал с чувством глубокого удовлетворения.

Впервые после крушения я спал по-настоящему крепко.

Новый день встретил меня непривычной тишиной. Я открыл глаза и несколько секунд не мог понять, где нахожусь — каменные своды, мягкий голубоватый свет, запах сырой древесины. Ах да, пещера. Мой новый дом.

Я выбрался из-под одеяла, поднялся по лестнице на верхний ярус и подошёл к выходу. Солнце только поднималось над равниной, окрашивая озеро в розоватые тона. Синяя планета уже почти скрылась, оставив после себя лишь бледный след на горизонте. Красота.

Сегодня предстояло много дел. Во-первых, пробить второй выход наружу — на верхнем ярусе, в глубине пещеры. Во-вторых, сделать двери. И в-третьих, обзавестись хоть какой-то мебелью. Жить на голом камне и спать на одеяле, расстеленном прямо на полу, — удовольствие ниже среднего.

Я взял кирку, поднялся наверх и прошёл в самый дальний конец верхнего яруса. Здесь стена была тоньше — я проверял, простукивая камень, и звук был глухим, но с отголоском пустоты. Где-то там, за этой стеной, был внешний склон скалы.

Размахнувшись, я ударил киркой. Камень поддался неохотно, но через десяток ударов пошёл трещинами. Я долбил методично, час за часом, останавливаясь только чтобы перевести дух и вытереть пот. Солнце поднялось высоко, когда в стене образовался пролом достаточно большой, чтобы в него можно было протиснуться.

Я выглянул наружу и довольно улыбнулся. Выход вёл на небольшую площадку — естественный выступ скалы метра три в ширину. Отсюда открывался ещё более впечатляющий вид, чем из главного входа: озеро как на ладони, равнина до горизонта, лес за спиной. Идеальное место для наблюдательного поста. А главное — запасной выход. Если кто-то или что-то заблокирует главный вход, я смогу уйти через этот лаз.

Теперь двери.

Я спустился вниз и осмотрел главный вход. Проём был широким, неровным — идеально под него подогнать дверь будет сложно. Но я не собирался делать что-то идеальное, мне нужно было просто закрыть проход от непрошенных гостей и диких зверей.

Снова лес, снова топор. К вечеру я натаскал достаточно брёвен и толстых веток. Для главного входа я сколотил подобие рамы из двух толстых столбов, вкопанных по бокам проёма, и поперечной балки сверху. В эту раму я навесил тяжёлую конструкцию из плотно пригнанных брёвен — получилось нечто среднее между дверью и частоколом. Открывалась она наружу, и я предусмотрел с внутренней стороны массивный засов из бревна, который вставлялся в скобы на стенах.

Для второго входа, наверху, дверь сделал попроще — из толстых досок, которые напилит из расколотых брёвен. Навесил на верёвочных петлях, примитивно, но надёжно. Изнутри тоже поставил засов.

Закончил я уже затемно, при свете магических шариков. Усталость валила с ног, но чувство удовлетворения было огромным. Теперь у меня был дом с двумя входами, двумя дверями и двумя этажами.

— Завтра займусь мебелью, — пообещал я себе, проваливаясь в сон.

Утро следующего дня началось с обхода окрестностей в поисках подходящих камней и брёвен для мебели. Стол я решил сделать из плоского камня, водружённого на два каменных же основания. Нашёл подходящую плиту в сотне метров от пещеры и, напрягая магию и мышцы, притащил её домой. Установил в нижнем ярусе, у стены. Получился массивный, устойчивый стол.

Стулья — те же камни, только поменьше и с плоскими верхушками. Не «Версаль», конечно, но сидеть можно. Для хранения вещей я сплёл из гибких веток нечто вроде больших корзин — навыки выживания, когда-то изученные на тренировках, пригодились. В них сложил припасы и инструменты.

К полудню мебель была готова. Пещера преобразилась. Теперь это действительно походило на жильё, а не на временное убежище.

Я перекусил остатками пайка и задумался. Еда заканчивалась. Нужно было искать новые источники пищи, исследовать лес, охотиться или собирать съедобные растения. И конечно, искать другие обломки. Модуль G-4 попался не случайно — значит, и другие части корабля могли упасть где-то поблизости.

Я собрал рюкзак, взял топор, кирку, бинокль, анализатор и отправился в путь. На этот раз — вглубь леса, за скалами, туда, где начиналась густая дубрава.

Лес встретил меня настороженной тишиной. Я шёл осторожно, внимательно глядя под ноги и по сторонам. Через пару часов пути я вышел к небольшому ручью, перешёл его вброд и тут же замер.

Впереди, среди деревьев, темнели обломки. Большие. Гораздо больше, чем модуль G-4.

Сердце забилось чаще. Я ускорил шаг, и вскоре передо мной предстала картина крушения. Это была часть корабля — капитанская каюта, судя по сохранившимся фрагментам обшивки и иллюминатору с разбитым стеклом. Она лежала на боку, наполовину вросшая в землю, затянута мхом и ползучими растениями.

— Есть кто живой? — крикнул я на всякий случай, хотя понимал, что глупо. Тишина была мне ответом.

Я подошёл ближе, заглянул в разбитый иллюминатор. Внутри царил хаос: перевёрнутая мебель, разбросанные бумаги, осколки стекла. Но главное — никаких тел. Никаких следов того, что капитан или кто-то из команды был здесь. Либо они катапультировались, либо... либо я был единственным выжившим.

Я пролез внутрь через искореженный дверной проём и принялся осматриваться. Капитанская каюта оказалась настоящей сокровищницей. В шкафу я нашёл тёплый плащ из плотной ткани — почти новый, только порванный в одном месте. На полке валялся набор посуды — металлические миски, кружки, ложки. В углу, чудом уцелевший, стоял небольшой ящик с инструментами — отвёртки, плоскогубцы, молоток, даже какой-то дремель на батарейках.

Я собирал всё подряд, складывая в рюкзак и в импровизированный мешок, который смастерил из куска ткани. Карманный нож с набором лезвий. Компас — второй, почти такой же, как у меня. Небольшой фонарик, который, к моей радости, зажёгся после пары ударов по корпусу. Аптечка с медикаментами — многие упаковки были раздавлены, но часть уцелела.

И тут я увидел его.

Небольшой металлический ящик, наполовину заваленный обломками мебели. Он был закрыт на кодовый замок, но замок сломался при ударе, и крышка болталась на одной петле. Я открыл его и замер.

Ящик был доверху заполнен деньгами. Не местными, не какими-то инопланетными ракушками, а самыми настоящими кредитами Содружества — универсальной валютой, принятой в обитаемой части галактики. Пачки купюр, туго перетянутые банковскими лентами, лежали ровными рядами. Много. Очень много. Целое состояние.

Я взял одну пачку, повертел в руках и горько усмехнулся.

— И зачем вы мне здесь? — спросил я у пустоты.

Ответа не последовало. Деньги в этом мире были бесполезны. Здесь не было магазинов, не было банков, не было никого, у кого можно было бы что-то купить. Просто цветная бумага с водяными знаками.

Я уже хотел выбросить пачку обратно, но рука замерла на полпути. А если... если здесь есть другие? Если когда-нибудь появится поселение, торговля, цивилизация? Если я найду способ вернуться домой? Деньги могут пригодиться. А таскать их с собой или хранить здесь — какая разница? Место в пещере пока есть.

Я вздохнул, закрыл ящик и запихнул его в свой самодельный мешок. Тяжёлый, зараза. Но пусть будет. На память о цивилизации, если не на что-то большее.

До вечера я обыскивал каюту вдоль и поперёк. Нашёл ещё несколько полезных мелочей: запасные батареи, верёвку, герметичный контейнер с едой, карты звёздного неба — бесполезные здесь, но приятные, напоминающие о доме. И, что самое ценное, компактный очиститель воды. Работал он от солнца или от батарей, и я тут же проверил его на воде из ручья — на выходе получилась идеально чистая жидкость.

Когда солнце начало клониться к закату, я понял, что пора возвращаться. Путь назад, с тяжёлой ношей, займёт часа два, не меньше.

Я выбрался из обломков и в последний раз оглянулся на капитанскую каюту. Ещё одно напоминание о том, что «Король» развалился в небе. Ещё одно подтверждение, что я, скорее всего, один.

Лес встретил меня вечерними сумерками и настороженной тишиной. Я шёл быстро, то и дело оглядываясь, но всё обошлось. Когда впереди замаячили знакомые скалы, я с облегчением выдохнул.

В пещере я сгрузил добычу на нижнем ярусе и долго раскладывал по корзинам и самодельным полкам. Инструменты — в одну сторону, посуда — в другую, еда — отдельно, медикаменты — в сухое место. А металлический ящик с деньгами я задвинул в самый дальний угол, прикрыв сверху куском брезента.

— Пусть лежит, — сказал я сам себе. — Мало ли.

Ночь опустилась на равнину. Синяя планета снова висела в небе, заливая пещеру призрачным светом. Я сидел на самодельном стуле у самодельного стола, пил воду из найденной кружки и думал о том, как быстро меняется жизнь. Ещё неделю назад я был пассажиром грузового лайнера, летел по делам, строил планы. А теперь я живу в пещере, собираю обломки корабля и храню в углу бесполезные деньги.

Жизнь — странная штука.

Я лёг спать с чувством, что день прошёл не зря. У меня были новые вещи, новые инструменты и новая цель: выжить. А деньги... деньги пусть лежат. Вдруг когда-нибудь я смогу купить на них билет домой.

Неделя пролетела как один день. Я входил в ритм жизни на этой планете, и он оказался на удивление приятным. Каждое утро я просыпался с первыми лучами солнца, умывался в озере, завтракал остатками найденных припасов и отправлялся исследовать лес.

Он оказался огромным. Настоящим зелёным океаном, полным жизни и загадок. Я прокладывал тропы, запоминал ориентиры, составлял в голове карту местности. Где-то через час ходьбы от скал начинались дубравы, где росли грибы — крупные, с коричневыми шляпками, очень похожие на земные боровики. Я проверял их анализатором — прибор радостно загорался зелёным, и я набирал полные корзины.

Дальше, в низинах, текли ручьи с чистой водой. Там же водилась рыба — серебристая, с красными плавниками, длиной с ладонь. Я наловчился ловить её самодельной острогой, жарил на костре и ел с наслаждением. Мясо оказалось нежным, чуть сладковатым, совсем не похожим на рыбу, которую я пробовал раньше.

Иногда мне попадались животные. Те самые «олени» с прозрачными рогами паслись на полянах, но близко не подпускали. Однажды я наткнулся на зверька, похожего на кролика, только размером с крупную кошку и с пушистым хвостом, как у белки. Пришлось потратить полдня, чтобы выследить его нору и соорудить ловушку. Удача улыбнулась мне — на ужин было свежее мясо.

Вечерами я возвращался в пещеру и занимался улучшением жилища. Поставил вторую лестницу — с верхнего яруса на нижний, на всякий случай. Сплёл из лозы несколько новых

корзин. Соорудил подобие кровати из жердей и мха — спать стало гораздо удобнее. Даже сделал полку для книг, хотя книг у меня не было. Но когда-нибудь появятся.

В углу верхнего яруса я организовал мастерскую: разложил инструменты, приспособил большой плоский камень как верстак, развесил на стенах верёвки и ремни. Здесь я чинил одежду, точил топор, мастерил новые ловушки.

Деньги так и лежали в дальнем углу, прикрытые брезентом. Я не прикасался к ним, но иногда поглядывал в ту сторону и думал: «А вдруг?»

На восьмой день случилось то, что должно было случиться раньше или позже. Я забирался на высокий уступ, чтобы осмотреть окрестности с новой точки, и анализатор, который я по привычке носил на поясе, зацепился за ветку, выскользнул из крепления и полетел вниз.

Я услышал глухой удар о камни и замер. Внутри всё похолодело.

Спустившись, я нашёл его на дне небольшого оврага. Экран был разбит вдребезги, корпус треснул, изнутри что-то жалобно звенело при встряхивании. Я нажал кнопку включения — ноль реакции. Нажал ещё раз, постучал, подул в трещины — бесполезно.

Анализатор сдох.

Я сел на землю и выругался. Долго, со вкусом, используя все известные мне космические ругательства. Эта маленькая коробочка была моей страховкой, моим гарантом безопасности в незнакомом мире. Она говорила мне, что можно есть, а что нельзя, какую воду пить, а какую обходить стороной. И теперь её не было.

Первым желанием было вернуться в пещеру и залечь на дно. Но желудок требовал еды, а запасы подходили к концу. Я сидел на краю оврага и смотрел на лес, который вдруг перестал казаться дружелюбным. В каждом грибе, в каждом плоде, в каждом ручье теперь таилась потенциальная смерть.

— Ладно, — сказал я наконец. — Буду действовать по старинке. Как делали предки до изобретения всяких приборов.

Я вспомнил всё, что когда-то читал о выживании в дикой природе. Нюхать, пробовать маленькими кусочками, ждать реакции, следить за животными — если они едят, значит, скорее всего, съедобно. Не гарантия, но хоть что-то.

В тот день я нашёл куст с ягодами, очень похожими на чернику. Зверьки, похожие на мышей, деловито сновали вокруг и уплетали их за обе щёки. Я сорвал одну ягоду, понюхал — запах был приятным, ягодным. Осторожно лизнул — язык не защипало, не онемело. Откусил крошечный кусочек, подождал полчаса. Никаких симптомов.

Я съел горсть. Ещё через час — жив и здоров. Ягоды пошли в корзину.

С грибами было сложнее. Те, что я собирал раньше, были проверены анализатором. Но теперь я наткнулся на полянку с новыми — ярко-оранжевыми, красивыми, но подозрительными. Я долго смотрел на них, нюхал, трогал. Потом нашёл в лесу старого знакомого — того самого «кролика» с пушистым хвостом. Он сидел в кустах и жевал что-то своё. Я бросил ему кусочек оранжевого гриба. Зверёк понюхал, фыркнул и ускакал прочь, даже не притронувшись.

— Не едят — плохой знак, — решил я и обошёл полянку стороной.

Воду я теперь брал только из ручьёв, которые выглядели чистыми, и кипятил её перед употреблением. Озеро, несмотря на всю его красоту, внушало опасения — мало ли что там водится.

День шёл за днём. Я стал осторожнее, внимательнее. Пробовал всё новое с опаской, маленькими дозами, и пока что организм не подводил. Ни отравлений, ни болей, ни странных реакций. Может быть, мне везло. А может быть, эта планета действительно была настолько похожа на Землю, что местная флора и фауна оказались совместимы с человеческим организмом.

Через две недели я уже почти успокоился. Почти.

Однажды, возвращаясь с охоты, я заметил странные следы. Не звериные — слишком ровные, слишком... осмысленные. Цепочка отпечатков, похожих на человеческие, но с какими-то странными очертаниями, будто обувь была необычной формы. Я замер, вглядываясь в землю.

Следы вели вглубь леса, в сторону, куда я ещё не заходил.

Сердце забилось быстрее. Кто-то ещё? Другие выжившие? Или... не люди?

Я постоял в нерешительности, взвешивая на ладони топор. Идти или не идти? Солнце клонилось к закату, идти по следам в темноте было безумием. Но и оставить без внимания — тоже.

— Завтра, — решил я. — Завтра с утра пойду по следам.

В пещеру я вернулся затемно, долго ворочался на своей лежанке, вслушиваясь в ночные звуки. Где-то ухало, где-то шуршало, а мне всё чудились шаги за дверью.

Утром я собрался быстро. Топор, нож, верёвка, вода, немного еды. И решимость узнать правду.

Ночь прошла беспокойно. Я ворочался на лежанке из жердей и мха, прислушивался к каждому шороху, а в голове всё прокручивалась одна и та же мысль: следы. Чьи они? Откуда? Если здесь есть кто-то ещё, если я не один...

Утром я вскочил затемно, наскоро перекусил остатками вчерашней дичи и, прихватив топор и верёвку, отправился к тому месту, где вчера видел отпечатки.

Солнце только поднималось над равниной, роса ещё блестела на траве, когда я добрался до нужной поляны. Следы были на месте — цепочка вмятин, уходящая вглубь леса. Я присел на корточки, всмотрелся внимательнее. И чем дольше я смотрел, тем сильнее сжималось сердце — то ли от разочарования, то ли от облегчения.

Отпечатки были странными. Слишком правильными для человеческой ноги, но при этом... неживыми. Я провёл пальцем по краю одного следа и почувствовал, как осыпается сухая земля. Присмотрелся: по краям каждой вмятины виднелись мелкие трещинки, каких не бывает у свежего следа.

Я поднял голову и посмотрел на деревья. Над поляной нависала огромная дубовая ветвь, усыпанная жёлудями. Много желудей. Некоторые падали вниз, когда ветер раскачивал крону.

— Да быть не может, — пробормотал я.

Я отошёл в сторону и нашёл место, где следы были особенно отчётливыми. Аккуратно разгрёб землю пальцами и через минуту держал в руке то, что принял за отпечаток неизвестного существа.

Жёлудь. Крупный, продолговатый, с характерной шляпкой. Таких здесь было полно. Они падали с деревьев, вдавливались в мягкую почву, а ветер и дождь сглаживали края, создавая причудливые формы. Издалека — вылитый след. Вблизи — просто жёлудь.

Я выпрямился и оглядел поляну. Теперь, зная, что искать, я видел эти «следы» повсюду. Цепочки вмятин, оставленные упавшими желудями, которые скатывались по склону или сдувались ветром. Никаких разумных существ. Никаких других выживших. Никого.

— Дурак, — сказал я вслух. — Надежда — она такая.

Я постоял ещё немного, прислушиваясь к лесу. Он шумел кронами, щебетал птицами, шуршал мелкими зверьками. Обычный, живой, но совершенно безлюдный лес. Здесь никого не было. Кроме меня.

И вдруг эта мысль — «никого, кроме меня» — перестала пугать. Наоборот, в ней появилось что-то... освобождающее. Никто не придёт спасать. Никто не нападёт из-за кустов. Ни с кем не придётся делить этот мир. Он мой. Весь. От горизонта до горизонта.

Я усмехнулся, поднял топор и зашагал дальше, в обход поляны. Лес манил новыми тропами, новыми открытиями. А следы... что ж, пусть остаются. Это будет моя маленькая тайна: когда-то я принял жёлуди за разумных существ.

День выдался урожайным. Я нашёл новую грибную поляну, наткнулся на ручей с невероятно вкусной водой и даже подстрелил из самодельного лука одного пушистого зверька. Вечером, сидя у костра перед пещерой, я смотрел на синюю планету в небе и думал.

Анализатор сломался, других людей нет, помощи ждать неоткуда. Только я и этот мир. И знаете что? Мне этого было достаточно.

Я затушил костёр, поднялся в пещеру, задвинул засов на двери и лёг спать. Снились мне почему-то жёлуди, марширующие по лесу колоннами. А может, это были не жёлуди.

Но это уже не важно.

Месяц пролетел как один день. Я полностью освоился в новой жизни и даже начал находить в ней определённую прелесть. Каждое утро я просыпался с первыми лучами солнца, делал зарядку на площадке перед верхним выходом из пещеры, любуясь бескрайней равниной и озером, а затем отправлялся по своим делам.

Лес я изучил уже довольно прилично. У меня были свои тропы, свои тайные места, свои охотничьи угодья. Я знал, где растут самые вкусные грибы, где водится рыба, а где можно встретить тех пушистых зверьков, мясо которых оказалось нежнее любой земной курятины.

Жилище моё тоже преобразилось. Теперь это была не просто пещера с наскоро сколоченным перекрытием, а настоящий дом. На нижнем ярусе я оборудовал спальню: соорудил настоящую кровать из жердей, переплетённых гибкими ветками, сверху настелил толстый слой мха и накрыл его куском брезента. Получилось мягко, тепло и уютно.

Рядом с кроватью стоял стол — тот самый, из плоской каменной плиты, а вокруг него три чурбака, заменявшие стулья. На столе всегда горел один из магических светильников — маленький шарик, который я научился делать таким тусклым, чтобы не мешал спать, но давал достаточно света, если вдруг понадобится встать ночью.

В углу нижнего яруса я организовал кладовую. Там в плетёных корзинах хранились запасы: сушёные грибы и ягоды, вяленое мясо, орехи, которые я нашёл в одной из рощ, и несколько герметичных упаковок с едой из обломков — их я берёг на самый крайний случай.

На верхнем ярусе была мастерская. Здесь я чинил снаряжение, мастерил новые инструменты и просто сидел в плохую погоду, глядя на равнину через главный вход. А через второй выход, тот, что я пробил в скале, теперь было удобно выбираться на обзорную площадку. Оттуда открывался вид на всю округу — от леса за спиной до гор на севере.

В ясные дни я подолгу смотрел в бинокль на эти горы. Они манили, обещали новые открытия, но пока я не решался отправиться в такое далёкое путешествие. Нужно было лучше подготовиться, накопить больше припасов, продумать маршрут.

А ещё нужно было решить проблему с одеждой. Моя форма, в которой я выбрался из шатгла, постепенно изнашивалась. Колени протёрлись, локти порвались, ботинки начали расползаться по швам. Я нашёл в капитанской каюте несколько комплектов одежды, но они были великоваты и тоже не вечны.

Как-то вечером, сидя у костра перед пещерой, я поймал себя на мысли, что разговариваю вслух. Сам с собой.

— Значит так, завтра схожу к дальней буковой роще, проверю, поспели ли там орехи. Потом надо бы починить ловушку у ручья — её вчера какой-то зверь поломал. И ещё запас дров пополнить, зима, наверное, здесь бывает...

Я замолчал и прислушался к себе. Странное чувство — говорить в пустоту. Но молчать весь день было ещё страннее. Голос нужен человеку не только для общения с другими, но и для самого себя. Чтобы мысли не путались, чтобы не сойти с ума от одиночества.

— Ладно, — сказал я костру. — Будем считать, что ты мой собеседник.

Костер весело затрещал в ответ.

Ночью мне приснился странный сон. Будто я иду по лесу и вижу впереди свет. Не костёр, не магический шарик, а самый настоящий электрический свет — жёлтый, тёплый, льющийся из

окна деревянного дома. Я подхожу ближе, стучу в дверь, мне открывает женщина в переднике и спрашивает: «Ужинать будешь?» А за её спиной я вижу стол, накрытый скатертью, горящий камин, детей, играющих на полу...

Я проснулся с мокрыми щеками. Плакал во сне — первый раз за много лет. Долго лежал в темноте, глядя в каменный потолок, и слушал, как где-то в лесу ухает ночная птица.

Утром я встал и отправился к дальней буковой роще. Орехи поспели. Я набрал полную корзину, нашёл ещё одну грибную поляну и даже подстрелил двух жирных зверьков. К вечеру вернулся в пещеру уставший, но довольный. Работа — лучшее лекарство от тоски.

Через несколько дней я решился наконец исследовать горы. Собрал рюкзак, взял побольше еды, воды, топор, кирку, верёвку и бинокль. Путь предстоял неблизкий — горы виднелись на горизонте, идти до них, по моим прикидкам, дня три, если не больше.

Я задвинул засов на двери, проверил, хорошо ли закрыт второй выход, и отправился в путь. Равнина встретила меня ветром и высокой травой, которая шелестела под ногами, словно что-то шептала.

Первый день прошёл спокойно. Я шёл на север, ориентируясь по солнцу и компасу. К вечеру равнина кончилась, начались холмы, поросшие кустарником. Я нашёл удобное место для ночлега под большим валуном, развёл костёр, поужинал и долго смотрел на звёзды. Они были чужими — ни одной знакомой констелляции. Только синяя планета всё так же висела в небе, огромная и загадочная.

На второй день я вошёл в предгорья. Пейзаж изменился: вместо травы и кустов появились камни, скалы, редкие корявые деревья, цепляющиеся корнями за голый грунт. Воздух стал прохладнее, дул сильный ветер.

Я поднимался всё выше, переваливал через один хребет, за ним открывался следующий. Горы оказались не одной цепью, а целой системой гряд и ущелий. Где-то здесь должны быть перевалы, пещеры, может быть, даже полезные ископаемые.

На третий день я нашёл то, что искал — пещеру. Не такую уютную, как моя, но достаточно глубокую, чтобы переждать непогоду. А непогода надвигалась — тучи сгущались над вершинами, ветер усиливался, пахло дождём.

Я забрался внутрь, развёл костёр у самого входа, чтобы дым вытягивало наружу, и устроился на ночлег. За стенами пещеры завывал ветер, где-то вдалеке громыхнуло — начиналась гроза.

Я сидел у костра, смотрел на пляшущие языки пламени и думал. О том, как странно устроена жизнь. Ещё недавно я летел на огромном корабле среди звёзд, а теперь сижу в пещере в горах неизведанной планеты и грею руки у костра, разведённого магией.

Магия. Я редко пользовался ей для серьёзных вещей — берёт силы, не зная, смогу ли их восстановить. Но для мелочей вроде розжига костра или освещения — почему бы и нет. Интересно, есть ли здесь другие маги? Или я единственный?

Утром гроза ушла, оставив после себя чистый, прозрачный воздух и мокрые камни. Я выбрался из пещеры и продолжил подъём. К полудню я достиг перевала и замер, поражённый открывшимся видом.

За горами лежала долина. Огромная, зелёная, с извилистой рекой, текущей к горизонту. А по краям долины, на склонах окружающих её гор, темнели пятна лесов. И ни единого признака цивилизации. Ни дымка, ни огней, ни построек.

Я долго смотрел в бинокль, вглядываясь в каждый участок долины. Ничего. Только природа — дикая, первозданная, нетронутая.

— Хорошо, — сказал я ветру. — Значит, будем осваивать и её.

Я спустился в долину к вечеру. Река оказалась полноводной, с чистой водой, в которой я разглядел крупную рыбу. На берегу росли какие-то кусты с ярко-красными ягодами —

я сорвал одну, осторожно понюхал, лизнул. Никакой реакции. Прожевал маленький кусочек, подождал час — жив. Ягоды оказались кисловатыми, но съедобными.

Я шёл вдоль реки, выбирая место для ночлега. И тут заметил нечто странное. На противоположном берегу, среди камней, что-то блестело. Что-то металлическое, отражающее лучи заходящего солнца.

Сердце забилось быстрее. Ещё обломки? Или... нет, не может быть.

Я перешёл реку вброд, поднялся на берег и подошёл к блестящему предмету. Это был кусок металла — явно часть корабля, покрытый характерной маркировкой. Я присел рядом, разгрёб камни и понял, что это не просто обломок. Это был кусок обшивки с приваренным к нему куском шпангоута. Корабль разваливался не только в атмосфере, но и до неё? Или это часть того же «Короля», упавшая гораздо дальше?

Я обыскал берег и нашёл ещё несколько фрагментов. Ничего ценного — только искореженный металл. Но один кусок привлёк моё внимание. На нём сохранилась часть надписи: «...питана».

Капитан. Это было слово «капитан». Значит, обломки капитанского мостика долетели и сюда. Интересно, где упала остальная часть?

Я задумался, глядя на заходящее солнце. Горы, долина, река, обломки... И никого. Совсем никого.

— Ладно, — сказал я. — Завтра поищу ещё.

Я разбил лагерь на берегу, развёл костёр и долго сидел, глядя на звёзды, отражающиеся в тёмной воде. Где-то там, за миллиарды километров отсюда, была моя цивилизация. Люди, города, корабли. А здесь — только я. И целый мир, который ждёт, чтобы его открыли.

Я шёл вдоль реки три дня. Долина постепенно расширялась, холмы становились всё положе, а воздух — теплее и влажнее. По ночам я слышал незнакомые звуки — то ли звери, то ли птицы, то ли сама земля дышала под звёздами. Но костёр и магическая сигнализация вокруг лагеря надёжно охраняли мой сон.

На четвёртый день утром я вышел к морю.

Оно открылось внезапно — за очередным поворотом реки лес расступился, и я увидел бескрайнюю водную гладь. Море тянулось до самого горизонта, сливаясь там с небом в единую синюю линию. Волны с тихим шорохом накатывали на песчаный берег, ветер нёс солёные брызги и крики чаек — точь-в-точь таких же, как на Земле, только с чуть более длинными хвостами.

Я стоял и смотрел. Долго. Море завораживало, успокаивало и одновременно будило какую-то древнюю тоску по бескрайним просторам. Где-то там, за горизонтом, лежал водный мир — синяя планета, висящая в небе по ночам. А здесь, на этой земле, было море. Моё море.

Я разделся и вошёл в воду. Она оказалась прохладной, но приятной — после долгого пути по горам и долинам это было настоящим блаженством. Я плавал, нырял, смывал с себя дорожную пыль и чувствовал, как усталость уходит, растворяется в солёной воде.

На берегу я нашёл ракушки — красивые, перламутровые, совсем как земные. Набрал полные карманы — для украшения пещеры, для памяти об этом дне. А когда солнце начало клониться к закату, я развёл костёр прямо на пляже и зажарил рыбу, пойманную в устье реки.

— Красота, — сказал я морю. — Ты красивое. Но далеко. Пещера моя вон там, за горами. А здесь — только гость.

И тут меня осенило. Пещера — это дом. Но дом посреди бескрайнего мира. А мир этот — мой. Весь. От моря до гор, от лесов до равнин. И если я хочу чувствовать себя здесь хозяином, нужно обозначить границы. Свою территорию. Место, которое будет моим убежищем, моей крепостью, моим домом в самом полном смысле этого слова.

Я решил вернуться к пещере. Путь назад занял четыре дня — я шёл быстрее, уже зная дорогу, но всё равно останавливался, чтобы исследовать интересные места, собирать грибы и

ягоды, охотиться. К концу четвёртого дня передо мной снова встали знакомые скалы, а за ними открылась равнина с озером.

Дом. Я вернулся домой.

В пещере всё было в порядке — засовы на месте, вещи не тронуты, магическая сигнализация молчала. Я бросил рюкзак, лёг на кровать из мха и жердей и закрыл глаза. Своё. Всё своё.

Утром я начал великую стройку.

Первым делом нужно было определить границы. Я взял топор, верёвку и отправился в путь — отмечать свой участок. Решил, что пещера будет центром, а граница пройдёт так, чтобы включить в себя и озеро, и часть равнины, и край леса, и даже кусочек предгорий.

Я шёл и делал зарубки на деревьях, складывал пирамидки из камней на открытых местах, вбивал колья там, где не было ни деревьев, ни камней. Это была долгая работа — обойти весь периметр заняло три дня. Но когда я закончил и вернулся к пещере, меня распирала гордость.

Мой участок был огромен. От озера до первых холмов, от дубравы до ручья, где я обычно брал воду. Километров десять в диаметре, не меньше. Целое маленькое королевство.

— Теперь это моя земля, — объявил я, стоя на площадке перед верхним входом. — Отмечено, обозначено, принято в собственность. Кому не нравится — милости прошу на разговор.

Тишина была мне ответом. Никому не нравилось. Никого не было.

Теперь началась настоящая работа. Я решил обнести свои владения забором. Не сплошной стеной — это заняло бы годы, — а скорее символической границей, которую будет видно и мне, и тем, кто мог бы сюда забрести. Хотя кого? Зверей? Пусть видят, что здесь человек.

Я выбрал направление и начал валить деревья. Топор в руках пел, магия помогала таскать тяжёлые брёвна, и работа спорилась. Я ставил столбы через каждые метров десять-пятнадцать, натягивал между ними верёвки, вешал на верёвки деревянные таблички, на которых углём рисовал понятные только мне знаки. Где-то через месяц я замкнул круг.

Граница была готова. Кривая, неровная, местами смешная — но моя. Я обошёл её всю за день, поправляя столбы, подтягивая верёвки, любясь делом рук своих.

Теперь внутри этого круга был настоящий дом. И я принялся его благоустраивать.

Первым делом проложил тропинки. От пещеры к озеру — главная дорога, широкая, утрамбованная, по которой я таскал воду. От пещеры к лесу — тропа поменьше, для походов за грибами и дровами. От пещеры к ручью — узкая, почти незаметная, но удобная. Я выкладывал тропинки камнями, чтобы не зарастали, чтобы в дождь не развезило грязь.

Потом взялся за озеро. На берегу я соорудил небольшой причал из брёвен — теперь можно было подходить к воде, не увязая в иле. Рядом поставил скамейку из плоского камня и деревянных плашек — сидеть, смотреть на закаты, думать о жизни.

В лесу, в пределах моего участка, я расчистил несколько полян. На одной сделал грибную плантацию — пересадил туда грибницы из разных мест, теперь грибы росли почти у самого дома. На другой устроил ягодник — кусты с красными и синими ягодами, которые я нашёл в долине за горами, прижились и уже начинали плодоносить.

Около ручья я построил небольшую запруду. Теперь там была заводь, где можно было ловить рыбу, не уходя далеко от дома. А излишки воды по канавке уходили на небольшой огород, который я разбил на солнечном склоне холма. Посадил там съедобные коренья, которые нашёл в лесу, и дикий лук — пусть растут.

В самой пещере я тоже всё переделал. На нижнем ярусе теперь было чисто и уютно. Я обмазал стены глиной, смешанной с известью из пережжённых ракушек, — стало светлее и суше. Пол застелил досками, напиленными из брёвен. В углу соорудил настоящую печь из камня и глины — теперь можно было готовить горячую еду, даже не выходя из дома.

На верхнем ярусе я устроил склад и мастерскую. Там стояли корзины с припасами, лежали инструменты, висели на стенах связки сушёных грибов и трав. А через второй выход я теперь часто выходил на обзорную площадку и подолгу смотрел в бинокль на свои владения.

Месяцы летели незаметно. Я перестал считать дни — они слились в один бесконечный поток дел и забот. Зима, если она здесь вообще бывала, пока не наступала — только дожди и ветра, от которых я прятался в пещере, слушая завывания непогоды за дверью.

Я научился многому. Делать глиняную посуду и обжигать её в печи. Плести корзины и циновки. Выделывать шкуры зверей и шить из них одежду. Даже варить мыло из золы и жира — пахло оно ужасно, но отстирывало неплохо.

Иногда, глядя на своё хозяйство, я улыбался. У меня было всё, что нужно для жизни. Дом, еда, вода, тепло. Только не с кем было этим поделиться.

В такие моменты я подходил к тому углу, где под брезентом лежал металлический ящик с деньгами. Открывал, перебирал пачки купюр, вдыхал запах типографской краски — запах цивилизации, запах дома, которого у меня больше не было.

— Ничего, — говорил я деньгам. — Когда-нибудь я вернусь. И вы мне пригодитесь.

А пока я возвращался к делам. Подправить забор вон там, где ветер повалил столб. Расчистить новую тропинку к ореховой роще. Проверить ловушки на зверьков. Сварить суп из грибов и дикого лука. Жить.

Однажды, выйдя на обзорную площадку, я увидел на горизонте что-то странное. Тонкая струйка дыма поднималась к небу далеко-далеко, почти у самого моря.

Я замер, вглядываясь в бинокль. Дым. Настоящий дым. Не от грозы — небо было чистым. Не от лесного пожара — слишком ровный, слишком тонкий столб.

Костер. Кто-то развёл костёр.

Сердце забилось часто-часто. Кто? Люди? Другие выжившие? Или...

Я долго смотрел на этот дым. А потом опустил бинокль и покачал головой.

— Нет, — сказал я. — Не пойду.

В прошлый раз меня обманули жёлуди. В этот раз, может быть, просто туман над морем играет в солнечных лучах. Или птицы подняли пыль. Или что угодно. Я не пойду. Не буду снова надеяться, чтобы снова разочароваться.

Я повернулся и пошёл вниз, в пещеру. Дым? Какой дым? Мне показалось.

Вечером, лёжа на кровати, я смотрел в темноту и думал. А если не показалось? Если там кто-то есть? Если я не один?

Но утром я встал и пошёл проверять ловушки. Дым на горизонте исчез. Или его никогда не было.

Я не знаю. И знать не хочу.

Весна — если здесь вообще были времена года — пришла незаметно. Дожди стали теплее, трава зеленее, а дни длиннее. Я уже перестал удивляться тому, как точно этот мир копирует земные циклы, и просто принимал их как данность.

Однажды, исследуя дальний угол своих владений, там, где равнина начинала полого подниматься к предгорьям, я наткнулся на нечто необычное. Среди разнотравья, колышущегося на ветру, росла трава, которая показалась мне странно знакомой. Высокая, с тонкими стеблями и колосьями на верхушках, она покачивалась под ветром, и в каждом колосе угадывались зёрна.

Я замер. Сердце забилось быстрее. Неужели?

Я подошёл ближе, сорвал один колос, растёр в ладонях. Несколько мелких зёрнышек упали на кожу. Я поднёс их к лицу, понюхал — запах был смутно знакомым, каким-то... домашним, что ли. Осторожно лизнул — никакой реакции. Разжевал одно зёрнышко — вкус был мучнистым, чуть сладковатым. Совсем как у земной пшеницы.

Я огляделся. Целое поле этой травы тянулось вдоль подножия холмов метров на сто, а то и больше. Тысячи колосьев, тысячи зёрен. Если это действительно пшеница... или хотя бы её местный аналог... то у меня будет хлеб.

Настоящий хлеб. Я даже не сразу осознал, что это значит. Хлеб — это основа, это жизнь, это то, без чего человек чувствует себя неполноценным. Сухари из аварийных пайков не в счёт. А свежий, горячий, только что из печи хлеб...

Я опустил на колени и начал собирать колосья. Просто руками, срывая и складывая в кучу. Работал дотемна, пока не стемнело, и набрал огромную охапку. Домой вернулся за полночь, уставший, но счастливый.

В последующие дни я только и делал, что собирал урожай. Научился обмолачивать колосья — выбивал зёрна палкой, потом веял на ветру, отделяя шелуху. Зёрен набралось прилично — пара больших корзин, полных тяжелого, пахнущего солнцем зерна.

Часть я сразу смолот. Камнями, вручную — долго, муторно, но результат того стоил. Получилась грубая, сероватая мука, пахнущая так, что у меня слюнки текли. Я замесил тесто, добавив воды и щепотку соли, и испёк первую лепёшку на горячем камне у костра.

Это было божественно. Горячая, хрустящая снаружи, мягкая внутри, она таяла во рту, и я чуть не плакал от счастья, жуя её и запивая водой из ручья.

— Хлеб, — сказал я, глядя на синюю планету в небе. — У меня есть хлеб.

На следующий день я принял решение. Нужно засеять поле. Настоящее поле, рядом с домом, чтобы не ходить далеко. Я выбрал участок равнины неподалёку от озера — земля там была жирной, тёмной, явно плодородной. Вскопал её киркой и лопатой — работа адская, заняла неделю. Но когда на месте дикой равнины появилось ровное поле, я понял, что всё делаю правильно.

Посеял зёрна, присыпал землёй, утрамбовал. И стал ждать.

Они взошли через две недели. Тонкие зелёные росточки проклюнулись сквозь землю и потянулись к солнцу. Я поливал их, полот сорняки, отгонял птиц и мелких зверьков, которые норовили полакомиться нежной зеленью. Это стало моим главным делом, моей ежедневной заботой.

Лето прошло в трудах. Поле зеленело, колосилось, набирало силу. Я построил вокруг него изгородь из жердей, чтобы крупные животные не вытоптали урожай. Рядом соорудил шалаш, где часто ночевал в тёплые ночи, слушая, как шумит ветер в колосьях.

К осени поле пожелтело. Колосья налились, согнулись под тяжестью зёрен. Урожай обещал быть богатым.

Жатва заняла несколько дней. Я срезал колосья самодельным серпом из заточенного куска металла, вязал в снопы и свозил к пещере на волокуше из веток. Гора снопов росла, и я смотрел на неё с гордостью фермера.

Но молот зерно камнями было слишком долго. Нужна была мельница.

Я вспомнил ветряные мельницы, которые видел на голографиях старой Земли. Простая конструкция: башня, крылья, жернова внутри. Ветер на равнине дул постоянно — идеальное место.

Я выбрал точку неподалёку от поля, на самом открытом месте. Принялся за строительство.

Это была самая масштабная стройка за всё время. Я валил деревья в лесу, таскал брёвна к равнине, вкапывал опоры. Стены сложил из брёвен, проконопатил мхом. Крышу сделал из досок, напиленных из толстых стволов. Внутри соорудил два этажа: наверху — механизм, внизу — жернова.

Жернова я вырубил из двух плоских камней. Долго подгонял их друг к другу, чтобы верхний легко вращался на нижнем. В центре провертел отверстие для оси, по краям — желобок для муки.

С крыльями пришлось повозиться. Я сделал четыре лопасти из лёгких жердей и натянул на них брезент. Закрепил на оси, выведенной наружу, и приладил простейший механизм поворота, чтобы можно было разворачивать крылья по ветру.

Месяц работы — и мельница была готова.

В первый пуск я волновался, как мальчишка. Ветер дул ровный, сильный. Я отвязал крылья, и они медленно пошли, потом быстрее, закрипели, закрутились. Внутри завращался верхний жернов. Я засыпал зерно в отверстие — и через минуту из-под жерновов посыпалась мука.

Настоящая, белая, мелкая мука.

Я стоял и смотрел, как она сыплется в подставленную корзину, и чувствовал себя творцом. Я создал это. Своими руками. Из ничего.

В тот вечер я испёк первый настоящий хлеб. Замесил тесто, дал ему подойти, сформировал каравай и посадил в печь, которую специально протопил до нужного жара.

Когда я достал его — румяный, пышущий жаром, пахнущий так, что голова кружилась, — у меня дрожали руки. Я положил каравай на стол, сел напротив и долго смотрел на него.

— Хлеб, — сказал я тихо. — У меня есть свой хлеб.

Я отломил кусок. Мякиш был пористым, эластичным, корочка хрустела. Я жевал и чувствовал, как по щеке ползёт слеза. Глупо, конечно. Плакать из-за хлеба. Но это был не просто хлеб. Это была победа. Над обстоятельствами, над одиночеством, над этим миром, который пытался меня сломать.

Я съел полкаравая за один присест. Остатки замотал в чистую ткань и убрал в корзину. Завтра будет новый хлеб. И послезавтра. И всегда, пока есть зерно и ветер.

Выходя из пещеры, я посмотрел на равнину. Мельница стояла, гордо расправив крылья, и медленно вращала ими под вечерним ветром. Рядом желтело сжатое поле. Озеро блестело в лучах заката. А над всем этим висела синяя планета — безмолвный свидетель моего маленького чуда.

— Спасибо, — сказал я неизвестно кому. Может, этому миру. Может, себе. Может, просто ветру.

Ветер дунул сильнее, и мельница закрутилась быстрее, будто кивая в ответ.

Мельница работала исправно, поле радовало новыми всходами, а я всё чаще задумывался о том, чего мне не хватает. Хлеб — это хорошо. Но хлеб без ничего — это просто хлеб. А хочется чего-то ещё. Яйца, например. Или мяса, которое не нужно выслеживать в лесу по полдню.

Однажды, бродя по лесу в поисках новых грибных мест, я услышал странные звуки. Знакомые до невозможности, но настолько неожиданные здесь, что я замер и прислушался.

Кудахтанье. Настоящее, отчётливое кудахтанье.

Я осторожно двинулся на звук, стараясь не шуметь. Раздвинул кусты и чуть не рассмеялся от радости. На небольшой поляне паслась стая птиц — точь-в-точь земные куры. Чуть мельче, с более ярким оперением, петухи — с длинными хвостами, переливающимися на солнце зелёным и синим, куры — пёстрые, серо-коричневые. Они копошились в траве, что-то клевали, переговаривались на своём птичьем языке.

Я сидел в кустах и смотрел на них, как на привидение. Куры. Самые настоящие куры. Или их местный аналог. Но выглядят — один в один. Даже петух кукарекает точь-в-точь как земной, только чуть выше тоном.

— Ну, — прошептал я, — вы теперь мои.

Ловить их оказалось тем ещё приключением. Дикае куры бегали быстро, взлетали на нижние ветки и оттуда таранились на меня бусинками глаз, явно издеваясь. Первые несколько попыток закончились пшиком — я только траву мял да шишки набивал.

Пришлось включать голову. Я сделал ловушку из прутьев, накрыл её тканью, насыпал внутри зерна и стал ждать. Хитрые птицы долго ходили вокруг, приглядывались, но голод взял

своё. Первая курица зашла под навес — я дёрнул верёвку, и конструкция рухнула, накрыв бедную птицу.

Поймал я таким образом четырёх кур и одного петуха. Связал им лапы, уложил в корзину и потащил домой, слушая возмущённое кудахтанье всю дорогу.

Теперь нужно было жильё для новых поселенцев. Я выбрал место рядом с мельницей — с подветренной стороны, чтобы запах не досаждал, и принялся строить курятник.

Соорудил его из жердей и досок, крышу покрыл корой и ветками. Внутри сделал насесты из тонких стволов, в углу смастерил гнезда из соломы и сена. Всё как полагается. Выгородил небольшой дворик, обтянутый сеткой из переплетённых верёвок — чтобы птицы гуляли на свежем воздухе, но не разбежались.

Выпустил кур. Они долго бегали по загону, хлопали крыльями, осваивались. Петух важно расхаживал по центру, поглядывал на меня с подозрением, но постепенно успокоился и начал что-то клевать в траве.

— Живите, — сказал я. — Плодитесь и размножайтесь. А я пока подумаю, что с вами делать.

Первое яйцо я нашёл через три дня. Лежало в гнезде, тёплое, чуть зеленоватое, размером чуть меньше куриного. Я взял его в ладонь и долго рассматривал, боясь раздавить.

— Неужели, — прошептал я. — Неужели у меня теперь есть яйца?

В тот же вечер я пожарил яичницу. На костре, на камне, просто разбив яйцо и посолив. Это было невероятно вкусно. Желток оказался ярко-оранжевым, почти красным, и пахло всё это так, что у меня свело скулы от удовольствия.

Но жарить на камне было неудобно. Яйцо растекалось, пригорало, часть пропадала. Нужна была нормальная сковорода.

Я вспомнил про обломки корабля. Там, среди металлолома, валялись куски обшивки, какие-то детали, может быть, удастся найти что-то подходящее.

Я отправился к месту крушения шаттла. Оно уже заросло травой, обломки покрылись мхом, но металл остался металлом. Я долго бродил среди искореженных конструкций, перебирал куски, примерял, прикидывал. Наконец нашёл то, что искал — почти плоский кусок титанового сплава, слегка вогнутый, с одного края загнутый, будто специально.

Притащил домой, долго выравнял камнями, шлифовал песком. Приделал ручку из толстой проволоки, которую нашёл там же, среди обломков. Получилась кривая, страшная, но вполне функциональная сковорода.

Про жарил её на костре, чтобы выгорела всякая гадость, и опробовал в деле.

Яйца шипели, поджаривались ровно, не пригорали. Я переворачивал их самодельной лопаткой из дерева и чувствовал себя настоящим поваром. Через несколько минут на тарелке из плоского камня лежала глазунья — два яйца, румяные, с целыми желтками.

Я съел и облизал сковороду. Буквально.

Теперь начались эксперименты. С яйцами можно было делать столько всего! Я взбивал их с водой и жарил омлеты. Добавлял мелко нарезанные грибы — получалось божественно. Смешивал с мукой и жарил лепёшки, которые становились пышнее и вкуснее.

Но главным открытием стали пироги. Я вспомнил, как когда-то, в детстве, бабушка пекла простые пироги с яйцом и луком. Ингредиентов немного, а вкус — на всю жизнь.

Я нашёл дикий лук на берегу озера — рос целыми полянками, пах остро и аппетитно. Нарвал, мелко нарезал, смешал с варёными яйцами — да, я научился их варить в глиняном горшке, опуская раскалённые камни в воду. Посолил. Замесил тесто из муки и воды, раскатал, завернул начинку и посадил в печь.

Пироги получились маленькие, кривые, кое-где подгоревшие. Но когда я вытащил первый и откусил кусок, у меня перехватило дыхание. Горячее тесто, сочная начинка, запах лука и яйца — это было лучшее, что я ел за всё время на этой планете.

— Чёрт возьми, — проговорил я с набитым ртом. — Да я тут жить останусь. Насовсем.

Я сидел у входа в пещеру, жевал пирог, запивал водой и смотрел на равнину. Мельница вращала крыльями, куры копошились в загоне, поле зеленело под солнцем. И вдруг меня осенило: а ведь это не просто выживание. Это жизнь. Настоящая, полноценная жизнь.

У меня есть дом. Еда. Тепло. Даже развлечения — охота, рыбалка, исследования. И с каждым днём мне всё меньше хочется, чтобы появился кто-то ещё. Этот мир — мой. Я его построил. Я его заслужил.

Вечером я снова напёк пирогов. Целую кучу. Разложил на столе, зажёл побольше свечей и устроил себе праздник. В одиночестве, под синей планетой в небе, я пировал, как король в своём замке.

А потом лёг спать, сытый и счастливый. И снились мне не люди, не города, не прошлая жизнь. Снились куры, важно расхаживающие по двору, и пироги, пышущие жаром на столе. Наверное, это и есть счастье.

Глава 2. Карта и лён

Утро началось как обычно: солнце, озеро, куры, мельница. Но сегодня в голову пришла мысль, которая показалась мне одновременно странной и необходимой.

Мне нужна была карта.

Я уже столько раз исходил свои владения вдоль и поперёк, что знал каждый уголок. Но знание — знанием, а когда смотришь на обзорной площадке вдаль, хочется иметь перед глазами нарисованный план. Где лес, где поле, где ручей, где озеро. И границы, которые я так старательно отмечал, тоже хорошо бы зафиксировать.

Но для карты нужна бумага. А бумаги у меня не было.

Я задумался. Бумагу делают из чего? Из древесины вроде бы. Или из тряпок. Или из травы. В школе на уроках труда нам рассказывали про древние технологии, но кто же тогда слушал? Приходилось вспоминать самому.

Древесины у меня полно. Тряпок — пара старых рубашек, которые уже не пригодны для носки. Трава — вообще бери не хочу. В принципе, можно попробовать.

Я набрал кору с молодых деревьев — тонкую, волокнистую. Нарезал её на мелкие кусочки, сложил в глиняный горшок, залил водой и поставил на огонь. Пусть кипит, разваривается.

Пока кора варилась, я занялся тряпками. Изрезал старую рубаху в мелкие лоскутки, добавил в горшок. Туда же отправил горсть сухой травы, мелко нарезанной. Вареву булькало, пахло странно — сыростью и чем-то растительным, но я терпеливо мешал деревянной палкой.

Часа через три я снял горшок с огня. Содержимое напоминало серую кашу с волокнами. Вспоминая уроки истории, я понимал, что нужно как-то отжать эту массу и высушить тонким слоем.

Я сделал рамку из тонких жердей, натянул на неё кусок ткани — той самой, из которой уже вырезал лоскутки, но остатков хватило. Получилось подобие сита. Вылил массу на ткань, разровнял, накрыл сверху ещё одним куском ткани и придавил плоским камнем, чтобы стекла лишняя вода.

Теперь оставалось ждать.

Я оставил рамку на солнце и пошёл по своим делам. Проверил кур — несутся отлично. Посмотрел поле — новая пшеница уже зеленела. Сходил к ручью, наловил рыбы на ужин.

К вечеру вернулся к рамке. Осторожно снял верхнюю ткань. Под ней лежал лист. Серый, неровный, шершавый, но — лист! Настоящая бумага, сделанная моими руками.

Я аккуратно отделил его от нижней ткани. Держал в ладонях и боялся сломать. Бумага была толстой, рыхлой, но вполне целой. Я даже написал на ней угольком — след оставался. Работает!

В последующие дни я наделал бумаги. Много. Целую стопку листов, неровных, разных по размеру, но вполне пригодных для дела. Сложил их в корзину на верхнем ярусе — пригодится.

Теперь нужны были инструменты для рисования. Уголь я уже пробовал — подходит, но пачкается, стирается. Хотелось чего-то более основательного. Может, в горах есть что-то подходящее? Я читал, что древние люди делали краски из минералов. А в горах минералов должно быть много.

Утром я собрался в поход. Решил пойти недалеко, за пределы своих владений, в те предгорья, где уже бывал раньше. Взял рюкзак, кирку, немного еды и воды, несколько листов бумаги для проб — и отправился.

Пересёк границу своих владений, прошёл мимо забора с табличками и углубился в холмы. Здесь уже начиналась дикая земля, не отмеченная моими метками. Впрочем, она всё равно моя — просто негороженная пока.

Я поднимался всё выше, осматривая скалы. Искал цветные камни, прожилки в породе, необычные отложения. Первым нашёл красный камень — обычный песчаник, пропитанный окислами. Растёр его между двумя камнями, добавил воды — получилась красноватая кашица. Попробовал нарисовать на листе — мазок получился бледным, но заметным. Неплохо.

Дальше — жёлтая глина. Наткнулся на её выход прямо в русле пересохшего ручья. Мягкая, жирная, ярко-жёлтая. Растёр с водой — отличная охра. Рисовала густо, ярко.

Потом зелёный камень. Долго искал, но нашёл — кусок породы с зеленоватым отливом. Растёр в порошок, смешал с жиром, который специально взял с собой. Получилась зелёная краска, похожая на ту, что используют художники.

Чёрный нашёлся сам собой — уголь от старых пожаров лежал прямо под ногами. Только собери. Белый — из растёртой ракушки, но их тут не было, придётся потом у моря добывать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.